

Иеромонах СЕРАФИМ (Роуз)

Святые Отцы Православия

I. Вдохновители и верные проводники к истинному Христианству в наши дни	1
II. Как читать святых Отцов	7
III. Как не надо читать святых Отцов	10
<i>Ловушка первая: дилетантство</i>	11
<i>Вторая ловушка: "богословие с сигаретой"</i>	13
<i>Третья ловушка: "ревность не по разуму" (Рим. 10, 2)</i>	16

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь."

Евр. 13, 7 и 9

I. Вдохновители и верные проводники к истинному Христианству в наши дни

Никогда прежде не было столько лжеучителей, как в нашем злосчастном XX веке, богатом материалистическими искушениями и бедном разумом и душой. Самые нелепые, бредовые взгляды, ранее безоговорочно и повсеместно отринутые культурными людьми, сейчас находят "теоретическое обоснование" и неперемного "учителя". Кое-кто из них даже являет (или сулит) "духовную силу" или ложные чудеса, как оккультисты или "целители". Но чаще современные учителя способны предложить лишь неудобоваримую смесь разных идей, полученных якобы из "космоса" или от современных самозванных "мудрецов", познавших "более", чем все светлые головы прошлого только потому, что живут в наш "просвещенный" век. В итоге философия раздробилась на тысячу школ, а "христианство" - на тысячу сект. Где же в этом безбрежном океане отыскать Истину, если ее вообще возможно отыскать в наш вконец заблудший век?

Исток истинного учения, исходящий от Самого Господа, не умаленный в течение веков и присносущный, один и тот же у всех, кто правильно его исповедует, направляющий тех, кто ему верен, к вечному спасению, можно найти только в единственном месте. Место это - Православная Церковь Христова, исток - благодать

Духа Святого, а истинные учителя Божественного учения, берущего начало от этого истока - святые Отцы Православной Церкви.

Увы! Сколь мало православных христиан осознают это, и сколь мало у них понимания, чтобы черпать из этого истока! Как много современных иерархов ведут паству свою не к истинным пастырям душ - святым Отцам, а к современным мудрецам, обещающим нечто "новое" и стремящимся только к тому, чтобы принудить христиан забыть подлинное учение святых Отцов, учение, которое - это воистину так! - совершенно и не совпадает с ложными идеями, царствующими в наше время.

Учение святых Отцов Православия не относится к какому-то одному веку, будь он "древним" или "современным". Оно неразрывной цепочкой проходит от времени Христа и Его апостолов до наших дней, и никогда не случалось так, что необходимо было вновь открывать "забытое" учение Отцов. Даже когда многие православные пренебрегали этим учением (как часто бывает и в наши дни), верные его последователи все же передавали его тем, кто жаждал обрести его. Бывали времена расцвета этого учения, например, в IV веке, и бывали периоды, когда православные меньше знали писания святых Отцов; но никогда - с самого начала существования Церкви Христовой на земле - не прекращала Церковь руководствоваться традициями Отцов, в каждом веке были свои святые Отцы. Преподобный Никита Стифат, ученик и составитель жития преподобного Симеона Нового Богослова, писал: "Господом установлено было, что от поколения к поколению не прекратится установление Духом Святым Его пророков и друзей для устройства Его Церкви".

Для нас, христиан последних времен, самым душеполезным является вдохновительное руководство примерами и научениями тех святых Отцов, которые жили в наше время и в недавнем прошлом, в условиях, схожих с теми, в которых живем мы, и все же сполна сохранившим то самое вечное учение, предназначенное не для какого-то времени или какого-то народа, а для всех времен до скончания веков, для православных христиан всех рас и народов.

Но прежде чем поговорить о двух из недавно живших святых Отцах, давайте скажем, что для нас, православных христиан, изучение святых Отцов - это не просто учебное занятие. Многие из того, что в наши дни считается "возрождением святоотеческого учения," - это не более, чем игрушка ученых-еретиков и их "православных" последователей, ни один из которых никогда не обнаруживал ту истину, ради которой готов был пожертвовать своей жизнью. Их "изучение Отцов" - просто умственные упражнения, случайной темой которых стали тексты святых Отцов, и полное отсутствие понимания того, что тексты эти содержат истины, от которых зависит духовная жизнь или духовная смерть. Такие псевдотолкователи учения Отцов тратят свое время на доказательство, что "псевдо-Макарий" был еретиком из Мессалины, не понимая и не используя для души чистого православного учения настоящего преподобного Макария Великого; что "псевдо-Дионисий" был уличен как поддельватель книг, духовные, неотмирные глубины которых совершенно недоступны пониманию его обвинителей; что христианская и монашеская жизнь преподобных Варлаама и Иоасафа, поведенная потомкам преподобным Иоанном Дамаскиным, - это ничто иное, как "пересказ истории Будды"; и на сотню подобных басен, сочиненных "экспертами" для доверчивой публики, которая и понятия не имеет, в какой лженаучной атмосфере были сделаны эти "открытия". Там, где возникают серьезные научные вопросы, касающиеся каких-либо текстов святых Отцов (такое, разумеется, встречается), там конечно же, нельзя доверять решение таким "экспертам", абсолютно чуждым истинных святоотеческих традиций, лишь зарабатывающим деньги своими изысками.

Когда "православные" ученые используют труды этих псевдотолкователей Отечника или проводят свои исследования в таком же рационалистическом духе, результат бывает трагическим, так как многие принимают таких ученых за "рупоров православия", а их рационалистические толкования за часть "истинного

святоотеческого" мировоззрения и, таким образом, вводят в заблуждение многих православных христиан. Например, отец Александр Шмеман, притязая якобы на освобождение от "западного влияния", которое, как ему, невежественному в отношении истинных святоотеческих традиций (обрести которые можно в монастыре, а не в академии), представляется, полностью подчинило себе в наше время православное богословие, сам подпал под влияние протестантских рационалистических идей, касающихся литургического богословия, как было подмечено протопресвитером Михаилом Помазанским, подлинным современным богословом¹. Предстоит еще, к сожалению, снять маску с такого псевдоученого, изучавшего русских святых, святых Отцов, как Г.П. Федотов, который воображает, что преподобный Сергей "был первым русским святым, которого можно назвать мистиком" (игнорируя, таким образом, четыре столетия таких же "мистических" русских Отцов, которые предшествовали ему), бессмысленно ищет "оригинальности" в "литературной работе" преподобного Нила Сорского (показывая, таким образом, что он даже не понимает значение традиции в Православии), злословит на великого православного святого - святителя Тихона Задонского - говоря о нем, как о "сыне скорее западного барокко, чем наследнике восточной духовности" и множеством искусственных доводов пытается превратить преподобного Серафима (который действительно столь традиционен, что его едва можно отличить от великих Отцов египетской пустыни) в некий "уникально русский" феномен, который был "первым известным представителем этого класса духовных старцев в России", чье "отношение к миру беспрецедентно в восточной традиции" и кто был "предтечей этой новой формы духовности, которой предстояло превзойти просто аскетическое монашество".

Весьма печально, но последствия таких псевдоучений часто проявляются в реальной жизни; доверчивые души, которые эти фальшивые выводы принимают за истинные, начинают "работать над литургическим возрождением" на основе протестантизма, превращают преподобного Серафима (игнорируя его "неудобные" учения, касающиеся еретиков, которые полностью соответствуют традициям Отцов) в какого-то индуистского йогу или "целителя" и вообще относятся к святым Отцам, как и большинство современных ученых, без почтения и благоговейного страха, как будто находятся с ними на одном уровне, словно они занимались какими-то упражнениями в эзотеризме или какой-то интеллектуальной игрой, а не были проводниками к истинной жизни и спасению.

Не таковы подлинные православные ученые, не такова подлинная традиция Отцов, в которой истинное, незамутненное учение Православного Христианства непрерывно передается и в устной, и в письменной форме, и в печатном слове от духовного отца к духовному сыну, от учителя к ученику.

В XX веке своей верностью святым Отцам особенно выделялся один православный иерарх - архиепископ Феофан Полтавский († 1940, 6/19 февраля)². В двадцатые годы он был широко известен, как самый верный последователь святоотеческого учения из всех русских богословов за границей. В тридцатые годы он ушел в затвор, чтобы стать новым Феофаном Затворником, и с тех пор, к сожалению, он почти полностью был забыт. Но, к счастью, ученики его и последователи свято хранили память о нем, и в недавнее время один из его учеников, архиепископ Аверкий из Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, Нью-Йорк, опубликовал его краткое жизнеописание вместе с некоторыми его проповедями³. В этих проповедях можно ясно

¹ См. статью протопресвитера Михаила Помазанского "Литургическое богословие отца А. Шмемана.

² Его жизнеописание и труды можно прочитать в книге Ричарда (Фомы) Бэттса и Вячеслава Марченко "Духовник Царской Семьи. Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник," изданной Валаамским Обществом Америки.

³ Более полное жизнеописание, о котором сказано в предыдущей сноске, было составлено и опубликовано по смерти отца Серафима.

видеть благоговейное и почтительное отношение иерарха к святым Отцам, отношение ученика к учителям, и великое его смирение, все возрастающее, достигшее высшей степени, когда он уже ничего не говорит от себя, а только передает мысли и сами слова святых Отцов. Так, в "Слове в день Пятидесятницы," он говорит: "Учение о Св. Троице есть вершина христианского богословия. Посему не дерзаю я излагать сие учение своими собственными словами, а изложу его словами святых и богоносных богословов и Отцов Церкви: Афанасия Великого, Григория Богослова и Василия Великого. Мои только уста, а их слова и мысли. Они предлагают Божественную трапезу, а я только служитель их Божественного пиршества".

В другой проповеди архиепископ Феофан объясняет, почему он отступает в тень перед святыми Отцами - это верная черта великих толкователей учения Отцов, таких выдающихся богословов, как архиепископ Феофан, но мирские ученые делают грубейшую ошибку, когда называют ее "отсутствием оригинального мышления". В "Слове на память святых Отцов 6-го Вселенского Собора", сказанном в болгарском городе Варна в 1928 году, он говорит "о значении св. Отцов и учителей Церкви для нас, христиан. В чем заключается их величие и чем обуславливается их особое значение для нас? Вот вопрос, на который предлежит дать нам ответ.

Церковь, братия, есть Дом "Бога жива, столпъ и утверждение истины" (1 Тим. 3, 15). Истина христианства хранится в ней во Св. Писании и Св. Предании; но она нуждается в правильном истолковании. Значение св. Отцов и заключается в том, что они являются наиболее правоспособными хранителями и истолкователями сей истины по святости своей жизни, по глубокому знанию слова Божия и по обилию обитавшей в них благодати Св. Духа". Вся эта проповедь состоит из цитат из самих святых Отцов (святых Афанасия Великого, Василия Великого, Симеона Нового Богослова, Никиты Стифата), подтверждающих сказанное.

Святой Отец, цитаты из которого обильно приводит в своей проповеди архиепископ Феофан, близок к нему по времени, это его предшественник по передаче истинной святоотеческой традиции в России - епископ Игнатий (Брянчанинов). Для нас сегодня он имеет двойное значение: он не только святой Отец, живший в близкие нам времена, но его поиски Истины очень схожи с поисками Истины искренних искателей Правды наших дней, и он, таким образом, показывает нам, как "просвещенный современный человек" может избежать тотального порабощения современными идеями и образом мыслей и снова войти в чистую атмосферу святоотеческих, то есть истинно православных, идей и образа мышления. Особенно вдохновительно для нас чтение рассказа самого епископа Игнатия о том, как военный инженер разорвал пути "современного знания" и присоединился к святоотеческой традиции, которую познал, помимо книг, непосредственно от ученика преподобного Паисия (Величковского) и передал дальше, нашим современникам.

"Еще когда я учился, - цитирует архиепископ Феофан епископа Игнатия, - не до веселий, не до развлечений было мне! Мир не представлял мне ничего приманчивого. Мой ум был весь погружен в науки, и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных. Между тем предстали взорам моим уже грани знаний человеческих в высших, окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: "что вы даете в собственность человеку? Человек вечен и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство вечное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба! Доселе я вижу только знание, оканчивающееся землей, не могущее существовать по разлучении души с телом!"

Ищущий молодой человек поочередно искал ответы в математике, физике, химии, философии, получил глубокие познания в этих науках; потом в географии, геодезии, языках, литературе, но обнаружил, что все они лишь земные. В ответ на все свои вопросы он получил такой же ответ, какой получают другие, подобные ему, искатели и в нашем, еще более "просвещенном" XX столетии: "Науки молчали".

"За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере. Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог признать тебя в фанатизме (папизме - о.С.), который не был запечатлен Евангельской кротостью; он дышал разгорячением и превозношением! Я не мог признать тебя в учении своевольном (протестантизме - о.С.), отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающую обретение новой, истинной веры христианской через осмнадцать столетий по воплощении Бога Слова! О, в каком тяжком недоумении пребывала душа моя! Как она томила ужасно! Какие на нее восставали волны сомнений, рождавшиеся от недоверчивости к себе, от недоверчивости ко всему, что шумело, вопияло вокруг меня от незнания, неведения истины.

И начал я часто, со слезами умолять Бога, чтобы Он не предал меня в жертву заблуждения, чтобы указал мне правый путь, по которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. И се чудо! Внезапно предстает мне мысль: сердце к ней, как в объятия друга. Эта мысль внушала изучать веру в источниках - в писаниях св. Отцов! "Их святость, - говорила она мне, - ручается за их верность: их избери себе в руководители". Повинуюсь. Нахожу способ получить сочинения св. угодников Божиих, с жаждою начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях Отцов Православной Церкви? - Это их согласие чудное, величественное. Осмнадцать веков в устах их свидетельствуют единогласно "единое" учение Божественное!

Когда в осеннюю ясную ночь гляжу я на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами, столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания Отцов! Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распущенными парусами, подобными белым лебединым крыльям, судов, бегущих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания Отцов! Когда слышу стройный многочисленный хор, в котором различные голоса в созвучной гармонии поют единую Божественную песнь, тогда говорю себе: таковы писания Отцов!

Какое, между прочим, учение нахожу в них? Нахожу учение, повторенное всеми Отцами, учение, что единственный путь ко спасению - последование неуклонное наставлениям святых Отцов. "Видел ли ты, - говорят они, - кого прельщенного лжеучением, погибшего от неправильного избрания подвигов, - знай: он последовал себе, своему разуму, своим мнениям, а не учению Отцов, из которого составляется догматическое и нравственное Предание Церкви. Им она, как бесценным имуществом, препитывает чад своих".

Мысль эта послана Богом, от Которого всякое даяние благо, от Которого и мысль благая - начало всякого блага. Мысль эта была для меня первым пристанищем в стране истины. Здесь душа моя нашла отдохновение от волнения и ветров. Мысль благая и спасительная! Эта мысль соделалась краеугольным камнем для созидания души моей! Мысль - дар бесценный всеблагото Бога, хотящего всем человекам спастись и прийти в сознание истины! Эта мысль соделалась моею звездою-путеводительницею! Она начала постоянно освещать для меня многотрудный и многоскорбный, тесный, невидимый путь ума и сердца к Богу. Взглянул на религиозный мир из этой мысли, и увидел: причина всех заблуждений состоит в неведении, в забвении, в отсутствии этой мысли.

Чтение Отцов с полною ясностью убедило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены религии западной Европы, как не сохранившие в целостности ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви Христовой. Оно открыло мне, что сделал Христос для человечества; в чем состоит падение человека, почему необходим Искупитель. Оно твердило мне: должно развить, ощутить, увидеть в себе спасение, без чего вера во Христа - мертва, а Христианство - слово и наименование без осуществления его! Оно научило меня

смотреть на вечность как на вечность, пред которой ничтожна и тысячелетняя земная жизнь, не только наша, измеряемая каким-нибудь полустолетием. Оно научило меня, что жизнь земную должно проводить в приготовлении к вечности... Оно показало мне, что все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества - пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети... Это с полной ясностью излагают святые Отцы в своих священических писаниях".

Архиепископ Феофан заканчивает свою проповедь по писаниям святых Отцов следующим призывом: "Да будет, братия, эта благая мысль (взять в наставники святых Отцов - о.С.) путеводною и вашею звездою во дни вашего земного странствования по волнам житейского моря!"

Правда этого призыва, как и вдохновенных слов епископа Игнатия, не потускнела за те десятилетия, что прошли с того времени, когда они были произнесены. За это время мир еще дальше прошел по дороге отступничества от Христианской Истины, и становится все более очевидным, что нет другого выхода, кроме как следовать по бескомпромиссному пути Истины, указанному нам святыми Отцами.

И при том мы должны обращаться к святым Отцам не только затем, чтобы "узнать о них"; если мы будем делать только так, то окажемся не в лучшем положении, чем праздные участники диспутов мертвых академий этой погибающей современной цивилизации, даже когда эти академии "православные", и ученые богословы в них старательно объясняют все о "святости" и "духовности" и theosis, они не обладают ни опытом, необходимым, чтобы обращаться прямо к страждущим душам и зажигать желанием вступить на путь духовной брани, ни знанием, необходимым, чтобы обличить фундаментальные заблуждения академических "богословов", которые говорят о Боге с сигаретой во рту или бокалом вина в руке, ни смелостью, чтобы обличить "канонических" иерархов-отступников в предательстве ими Христа. Мы должны обращаться к святым Отцам - главное - для того, чтобы стать их учениками, воспринять от них учение об истинной жизни, о спасении души, даже если мы и знаем, что, сделав это, потеряем блага мира сего и станем его изгоями. Если мы сделаем это, то найдем выход из запутанных дебрей современного мышления, основанного как раз на неприятии священного учения Отцов. Мы обнаружим, что святые Отцы вполне современны в том плане, что они прямо говорят о брани православных христиан сегодня, давая ответы на важнейшие вопросы жизни и смерти, которые академические ученые обычно боятся даже задавать, а когда все-таки ставят их, то дают безопасные ответы, "объясняющие" эти вопросы тем, кто просто любопытствует, а не жаждет Истины. Мы станем настоящими учениками Отцов, научившись смирению и недоверию к нашей собственной тщеславной мирской мудрости, которую впитали в себя с воздухом этих пагубных времен, научившись доверять тем, кто служит Богу, а не миру. В них мы найдем истинных Отцов, которых так не хватает в наше время, когда у многих иссякла любовь (Мф. 24, 12), - Отцов, единственная цель которых - это вести нас, чад своих, к Богу и Его Небесному Царствию, где мы будем пребывать и беседовать с ангелами и наслаждаться невыразимой радостью.

В наше сложное время нет ни одного вопроса, который нельзя разрешить, если внимательно и почтительно читать святых Отцов, будь то вопросы сект и ересей, которых расплодилось нынче во множестве, или схизм и "юрисдикций", будь то претензии на духовность, выдвигаемые "харизматическим возрождением", или тонкие искушения современным комфортом и удобствами, или же сложные философские вопросы, такие, как "эволюция", или откровенные нравственные вопросы об абортх, эвтаназии и "контролем над рождаемостью"; вопросы ли об утонченном отступничестве "сергианства", предлагающем церковную организацию вместо Тела Христова или грубом "обновленчестве", которое начинается "пересмотром календаря" и заканчивается "протестантизмом с восточным обрядом". О всех этих вопросах святые Отцы и наши, ныне здравствующие, отцы, следующие по их стопам, - наши верные наставники и пастыри.

Епископ Игнатий и иные недавно жившие Отцы указали нам, последним христианам, каких святых Отцов нам читать наиболее важно и в каком порядке их читать. Да вдохновит это нас на то, чтобы сделать чтение святоотеческой литературы фундаментом для строительства душ наших и наследования жизни вечной! Аминь.

II. Как читать святых Отцов

Настоящая патрология знакомит с Отцами Православия, поэтому ее объем и цели отличаются от обычного семинарского курса по патрологии. На этих страницах мы преследуем двойную цель: 1) представить православное богословское обоснование духовной жизни - природу и цель духовной брани, святоотеческий взгляд на человеческую природу, характер и действия Божественной благодати и человеческих усилий, и прочее и 2) дать практические наставления в том, как жить истинной духовной жизнью, с описанием духовных состояний - и хороших, и плохих, через которые человек может проходить в процессе духовной брани. Таким образом, строго догматические вопросы, касающиеся природы Бога, Святой Троицы, воплощения Сына Божия, действия Святого Духа и прочее будут затронуты только в той мере, в какой они вовлечены в вопросы духовной жизни; и о многих святых Отцах, чьи писания касаются, в основном, этих догматических вопросов, а вопросы духовной жизни для них второстепенны, мы говорить не будем. Словом, это будет, главным образом, слово об отцах Добротолубия, сего собрания православных духовных писаний, который был создан за заре нашего времени, как раз перед тем, как во Франции разразилась смертоубийственная революция, свидетелями последствий которой мы сейчас являемся, когда в наши дни набрали большую силу безверие и самоволие.

Однако в наше время заметно возрос интерес к Добротолубию и святым Отцам. В частности, стали изучать Отцов недавнего прошлого, таких как преподобный Симеон Новый Богослов, преподобный Григорий Синаит и святитель Григорий Палама, и немало их произведений переводится и издается на разных языках. Можно даже сказать, что в некоторых семинарских и академических курсах они "вошли в моду", что редко бывало с дней XIX века, когда они вовсе были "не в моде" в большинстве православных духовных академиях (это не относится к монастырям высокой духовной жизни, которые всегда свято чтители их и жили по их писаниям).

Но сам этот факт представляет большую опасность, о которой необходимо здесь сказать. "Вхождение в моду" глубочайших духовных писаний ни в коей мере не является положительным явлением. В действительности было бы лучше, чтобы имена этих Отцов вообще остались неизвестными, чем стали бы просто предметом занятий ученых-рационалистов или "восторженных неопитов", которые не извлекают из того никакой духовной пользы, а лишь бессмысленно гордятся тем, что знают об этих Отцах больше всех, или, что даже хуже, начинают следовать духовным наставлениям в этих писаниях без достаточной подготовки и безо всякого духовного руководства. Все это, конечно, не означает, что стремящиеся к Истине должны пренебречь чтением святых Отцов, Боже упаси! Но это означает, что все мы - ученые, монахи и просто миряне - должны подходить к этим Отцам богобоязненно, со смирением и недоверием к собственному уму и суждениям. Мы приближаемся к ним, чтобы учиться, и, прежде всего, должны признать, что для учебы нуждаемся в учителе. И учителя действительно существуют: в наше время, когда нет рядом богоносных старцев, нашими учителями должны быть те старцы, которые, особенно во времена близкие к нашему, поведали нам, как читать и как не читать православные писания о духовной жизни. Если сам блаженный старец Паисий (Величковский), составитель первого славянского Добротолубия, был "объят страхом", узнав, что готовится печатание таких книг, а не будет больше их хождения в рукописной форме по немногим монастырям, то с насколько большим страхом должны подходить к ним мы и понимать причину этого страха, чтобы нас не постигла духовная катастрофа, которой он боялся.

Преподобный Паисий в своем письме к отцу Феодосию, архимандриту Софрониевой пустыни, писал: "Думая о появлении в печати книг святых Отцов на греческом и славянском языках, я испытываю и радость, и опасение. Радость - потому что они не будут преданы окончательному забвению, и ревностным их почитателям будет легче их приобретать; опасение - потому что они могут превратиться в легко доступные книги, наравне со всеми другими книгами, не только монахам, но и всем православным христианам, и люди самонадеянные станут превратно толковать содержащееся в ней святое учение и заниматься самочинно умной молитвой, без надлежащего руководства и порядка; не впали бы они в самомнение и прелесть, и тем не подали бы повода к уничтожению святыни, святость которой подтвердило великое множество великих святых Отцов... а вслед за тем не последовали бы сомнения, касающиеся и всего учения наших богоносных Отцов". Практика умной молитвы, продолжал преподобный Паисий, возможна только в условиях монашеского послушания.

Правда, в наши дни, когда аскетическая брань не ведется с прежней силой, немного есть таких людей, которые стремятся к вершинам умной молитвы (или хотя бы представляют, какой она должна быть), но предостережения преподобного Паисия и других святых Отцов остаются действенными и для меньшей брани многих современных православных христиан. Каждый, кто читает Добротолюбие и другие писания святых Отцов и даже многие жития святых, встретит сведения об умной молитве, о Божественном видении, об обожении и других возвышенных духовных состояниях, и для православных христиан важно знать, что следует думать и чувствовать в таком случае. Давайте поэтому посмотрим, что говорят об этом святые Отцы, и подумаем вообще о нашем отношении к святым Отцам.

Преподобный старец Макарий Оптинский († 1860) счел необходимым написать специальное "Предостережение тем, кто читает духовные святоотеческие книги и желает попрактиковаться в умной Иисусовой молитве". В нем сей великий Отец, живший так недавно, ясно говорит нам, как нам следует относиться к этим духовным состояниям: "Святые и Богоносные Отцы писали о великих духовных дарах, что не следует всем без разбора стремиться обрести их, а надобно, чтобы не имеющие их и прослышавшие о таких дарах и откровениях, данных удостоившимся их, признали бы свою собственную немощь и незрелость и невольно приклонились бы к смирению, которое для ищущих спасения важнее, чем все другие труды и добродетели". И вот что писал преподобный Иоанн Лествичник (VI век): "Как убогие, видя царские сокровища еще более познают нищету свою: так и душа, читая повествования о великих добродетелях святых Отцев, делается более смиренною в мыслях своих" (Слово 26, 211). Таким образом, нашим первым шагом на пути к писаниям святых Отцов должно быть смирение.

И еще из Иоанна Лествичника: "Удивляться трудам сих святых дело похвальное; ревновать им спасительно; а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное" (Слово 4, 42). Преподобный Исаак Сирий (VII век) поучал: "Ищущие в молитве сладостных духовных ощущений и предвкушений, и особенно те, кто стремится преждевременно к видениям и духовному созерцанию, становятся жертвой бесовского обмана и подпадают царству тьмы и помутняются рассудком, лишаясь Божие помощи и подвергаясь осмеянию бесовскому из-за гордого стремления получить не в меру и не по чести". Таким образом, надобно нам приблизиться к святым отцам со смиренным желанием начать жизнь духовную на самой низкой ступеньке и даже не помышляя самостоятельно достичь тех возвышенных духовных состояний, которые нам совершенно недоступны. Преподобный Нил Сорский, более близкий нам по времени, писал: "Что скажем мы о тех, кто в смертном своем теле вкусил бессмертной пищи, кто удостоен был в сей преходящей жизни получить частицу тех радостей, что ожидают нас в небесном нашем доме?.. Мы, отягощенные многими грехами, ставшие жертвами страстей, недостойны

даже слышать такие слова. И все же, уповая на милость Господню, осмелимся в умах наших повторять слова святых писаний, чтобы, по крайней мере, утвердиться в осознании того, как низко мы пали".

Чтобы укрепить наше смиренное намерение читать святых Отцов, нам нужно начать с простых святоотеческих книг, с тех, которые учат азбуке. Живший в VI веке послушник из Газы писал некогда великому прозорливому старцу святому Варсонофию вполне в духе неопытного человека, изучающего Православие в наши дни: "У меня есть книги по догматике, и, читая их, я чувствую, что разум мой движется от страстных мыслей к созерцанию догматов". Святой Старец ответил на это: "Я бы не хотел, чтобы ты занимался этими книгами, потому что они слишком возвышают ум, лучше изучать слова старцев, которые принижают ум. Я сказал это не с целью преуменьшить значение догматических книг, но лишь даю тебе совет, ибо пища бывает разной". Важным будет для нас определить, какие святоотеческие книги больше подходят для начинающих, а какие следует оставить на потом.

И еще, для православных христиан, живущих в разных условиях, подходят разные святоотеческие книги о духовной жизни: то, что особенно нужно для отшельников, не совсем годится для общежительных монахов; то, что подходит для всех монахов, не может быть в том же виде использовано мирянами; и в любом случае, духовная пища для опытных бывает несъедобной для младенцев. Если кто-либо достиг определенного уровня в духовной жизни, то соблюдая заповеди Божии в лоне Православной Церкви, с пользой читая более простые писания святых Отцов, применяя их к условиям собственной жизни, чтобы получить большую духовную пользу от этого чтения. Епископ Игнатий (Брянчанинов) писал об этом: "Замечено, что новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги. Если книга преподает советы о безмолвии и показывает обилие духовных плодов, собираемых в глубокой пустыне, то в новоначальном непременно явится сильнейшее желание удалиться в уединение, в безлюдную пустыню. Если книга говорит о безусловном послушании под руководством Духоносного старца, но в новоначальном непременно явится желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Бог не дал нашему времени ни того, ни другого из этих жилищ. Но книги святых Отцов, написанные об этих жителях, могут подействовать на новоначального так сильно, что он, по неопытности своей и незнанию, легко решится оставить место жительства, на котором имеет всю удобность спастись и духовно преуспеть исполнением евангельских заповедей, для несбыточно мечты совершенного жительства, нарисовавшейся живописно и обольстительно в его воображении". Поэтому он приходит к выводу: "Не доверяйте, братия, вашим помыслам, разумениям, мечтам, влечениям, хотя бы они казались вам самыми благими, хотя бы они представляли вам в живописной картине святейшее монашеское жительство!" ("Советы относительно душевного иноческого делания," гл. X.) То, что епископ Игнатий говорит здесь о монахах, относится также и к мирянам, с учетом разницы в условиях жизни мирян и монахов.

Преподобный Варсонофий говорит еще нечто очень важное для нас, слишком по академически подходящих к святым Отцам: "Забываясь о своем спасении отнюдь не следует спрашивать (старцев, то есть при чтении святоотеческих книг - о.С.) только о приобретении знаний, "разум убо кичит" (1 Кор. 8, 1), как говорит Апостол, а более пристало вопрошать о страстях, о том, как прожить свою жизнь, то есть как спастись; это необходимо, это ведет к спасению". Таким образом, не следует читать святых Отцов просто из любопытства или как учебник, без твердого намерения на практике воплотить то, чему они учат, в соответствии с духовным уровнем каждого. Современные академические "богословы" достаточно ясно показали, что можно иметь много абстрактной информации о святых Отцах и абсолютно никаких при этом духовных знаний. О таких преподобный Макарий Великий сказал: "Так же, как облаченный в лохмотья нищий может во сне увидеть себя богатым, а пробудившись от

сна снова видит себя бедным и не одетым, также и рассуждающие о духовной жизни, кажется, говорят правильно, но как то, о чем они говорят, не укреплено в их умах опытно, усилием, убеждением, они остаются словно в мире мечтаний".

О возможности узнать, читаем ли мы писания святых Отцов, как учебник, или это чтение действенное, сказал преподобный Варсонофий в своем ответе новообращенному, обнаружившему, что, говоря о святых Отцах, он проявляет непочтительность и гордость: "Когда говоришь о житиях святых Отцов и об их наставлениях, следует тебе говорить с самоукорением: "О, горе мне! Как могу я говорить о добродетелях Отцов, когда сам ничего от них не приобрел и совсем не подвинулся вперед?" И живу я, поучая других ради пользы их; как же во мне не исполнится слово Апостола: "Научая убо инаго, себе ли не учиши?" (Рим. 2, 21)". Таким образом, к учению святых Отцов нужно всегда относиться с самоукорением.

Наконец, нам следует помнить, что цель чтения святых Отцов - это не дать нам какое-то "духовное наслаждение" или утвердить нас в нашей праведности или превосходном знании "созерцательного" состояния, но единственно в том, чтобы помочь нам с усилием продвинуться по тропе добродетелей. Многие святые Отцы говорят о различии между "деятельной" и "созерцательной" жизнью, и здесь следует сказать, что это совсем не относится, как могут подумать некоторые, к какому-то искусственному разделению между теми, кто ведет "обычную" жизнь "внешнего православия" или просто "добрых дел" и "внутреннюю" жизнь, проводимую только монахами или интеллектуальной элитой. Существует только одна православная жизнь, и ею живет каждый, подвизающийся в Православии, будь он монах или мирянин, начинающий или уже опытный, сделавший не один шаг на духовном пути; "действие" или "практика" - это путь, а "видение" (теория) или "обожение" - это вершина пути. Почти все святоотеческие писания говорят о жизни действенной, а не о жизни в видениях; когда упоминается о последней, то для того, чтобы напомнить нам о цели наших трудов, нашей брани, которую в сей жизни достигают только некоторые из великих святых, но в полноте своей она познается лишь в жизни грядущей. Даже самые возвышенные писания Добротолубия, как писал епископ Феофан Затворник в предисловии к последнему тому Добротолубия на русском языке, "имеют в виду не умовую, а почти исключительно деятельную жизнь".

И, несмотря на это вступление, православный христианин, живущий в нашем веке светлых знаний, наверняка не избежит ловушек, ожидающих того, кто пожелает прочитать святоотеческие писания в их полном православном значении и контексте. Поэтому давайте теперь, перед началом чтения самой патрологии, остановимся и кратко проанализируем некоторые ошибки, сделанные современными читателями святых Отцов, с намерением таким образом сформировать более ясное понимание того, как не читать святых Отцов.

Великий Отец недавних времен в традиции преподобного Паисия (Величковского), будучи учеником Старца, отец Леонид (Лев) Оптинский прорвался за границы современного знания и обрел высшее знание святоотеческой традиции, передав ее неизменные истины на языке, понятном современным людям. Своими сочинениями, также как и житием своим, он вдохновил монашество, подвизающееся в наши последние времена, и сугубо боролся против ложного рационалистического христианства и современного знания. По смерти своей он явился в небесном сиянии, окруженный другими небожителями и сказал: "Все, написанное в книгах моих, истинно," и совершил исцеления болящих.

III. Как не надо читать святых Отцов

Уже достаточно было сказано о серьезности и трезвении, с какими следует приступать к изучению святых Отцов. Но сам навык человека XX века в легкомыслии,

привычка не принимать всерьез даже самых важных предметов, "играть в идеи" - что и делают сейчас университетские ученые - вынуждает нас пристальнее рассмотреть некоторые общие ошибки, совершаемые обыкновенно номинальными православными при изучении или исследованиях писаний святых Отцов. Здесь необходимо будет назвать имена и публикации, чтобы показать, в какие ловушки многие души уже попали. Рассмотрев это, мы сможем более четко уяснить, как не следует приступать к чтению святых Отцов.

Ловушка первая: дилетантство

Это западня, в которую попадают наиболее легкомысленные из тех, кто интересуется православным богословием или духовностью, особенно бывает присуща разнообразным "экуменическим" сборищам-конференциям, встречам и т.п. Такие собрания устраивает Братство св. Албана и св. Сергия, что и отражается в их журнале "Соборность". Здесь мы можем прочесть, например, во вступительном слове клирика, предположительно православного, о святых Отцах: "Отцы пустыни могут сыграть для нас исключительно важную роль. Они могут быть для нас замечательным местом экуменической встречи" (архимандрит Димитрий Трактеллис, "Св. Нил за молитвой", "Соборность", 1966 г., зима-весна, с. 84). Может ли говорящий это быть столь наивен, чтобы не знать, что Отец, которого он желает изучать, как и все святые Отцы, ужаснулся бы, узнав, что его слова использовались для обучения искусству молитвы инославных? Одно из правил вежливости на таких экуменических сборищах заключается в том, что инославных не информируют о том, что первое необходимое условие для изучения святых Отцов - иметь ту же веру, что и Отцы - Православную. Без этого главного условия все наставления в молитве и духовном учении - всего лишь обман, средство для запутывания инославного слушателя в его собственных ошибках. Это нечестно в отношении слушателя; это несерьезно со стороны докладчика; это точная иллюстрация того, как не надо подходить к изучению святых Отцов.

В том же издании можно прочесть о "паломничестве в Британию", в ходе которого группа протестантов посетила службы разных сект, а потом православную Литургию, за которой "отец произнес очень ясное и просветительное слово на тему о Евхаристии" (Соборность, лето, 1969 г., с. 680). Несомненно, в своем слове батюшка цитировал святых Отцов, но он не привнес понимания своим слушателям, он только еще больше их запутал, позволив им думать, что Православие - это лишь еще одна секта, из тех, что они посетили, и что православное учение о Евхаристии может помочь им лучше понять их лютеранские или англиканские службы. В сообщении об "экуменической встрече" в том же номере (с. 684) находим результат проповедования "православного богословия" в таких условиях. "После посещения православной Литургии участники посетили баптистскую службу причащения, что явилось глотком свежего воздуха. Особенно ободряющей была маленькая проповедь о значении радости Воскресения. Те из нас, которые знакомы с Православной Церковью, обнаружили, что и здесь была выражена та же самая истина, и мы были счастливы найти ее и в баптистской службе". Православные, поощряющие такой бесчувственный дилетантизм, несомненно, забыли о заповеданном в Священном Писании: "Ни подметайте бисер ваших пред скиниями" (Мф. 7, 6).

Недавно то же Братство расширило свой дилетантизм, следуя последней интеллектуальной моде, включив в свою программу лекции по суфизму и другим нехристианским религиозным традициям, которые, вероятно, обогащают "духовность" слушателей во многом так же, как это до сих пор делало для них Православие.

Тот же извращенный духовный подход можно видеть и на более утонченном уровне в "соглашениях", исходящих время от времени от "консультаций богословов" - будь то православно-католических, православно-англиканских или еще каких-либо подобных им. Эти "соглашения" по таким темам, как "Евхаристия" или "природа

Церкви", являются опять же упражнениями в экуменической вежливости, в которых инославным не делается и намек на их еретичность (если даже присутствующие "православные богословы" это знают), что, на каком бы определении таких реальностей ни "согласиться", инославные, не обладая опытом жизни в Церкви Христовой, не имеют их реально. Такие "богословы", не колеблясь, ищут даже какого-то согласия по самой духовности, хотя здесь, как нигде, невозможность любого согласия очевидна. Те, кто могут верить, как гласит официальное "Послание", принятое на "Православно-цистерцианском симпозиуме" (Оксфорд, 1973 г.), что римокатолические, православные и англиканские монашествующие "имеют между собой глубокое единство, как члены монашеских общин, принадлежащих к различным традициям Церкви", конечно же, мыслят по тленной премудрости мира сего и его "экуменическим" модам, а не в согласии с православным монашеским духовным преданием, строго настаивающим на чистоте веры. Мирские цели и тон таких "диалогов" ясно проявляются в отчете о том же симпозиуме, где указывается, что этот "диалог" теперь собираются расширять, включив в него нехристианских монахов, что сделает возможным "нашему общему христианскому монашеству... идентифицироваться каким-то реальным образом с монашеством буддизма и индуизма" (Диакония, 1974, № 4, сс. 380, 392). Какими бы умудренными не воображали себя участники этого симпозиума, их дилетантство ничуть не лучше такового протестантов-мирян, которые столько же благоговеют перед баптистской службой преломления, как и перед православной Литургией.

Опять же, в "православном" периодическом издании можно прочитать отчет "Экуменического института духовности" (католико-протестантско-православного), который проводился в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке в 1969 году, и где православный профессор "широких взглядов" Николай Арсеньев высказывался о христианской духовности Востока и Запада. Православный священник так сообщает об этом докладе:

"Одним из наиболее шокирующих утверждений профессора было то, что уже существует христианское единство всех святых христианских традиций. Интересно было бы попытаться выработать из этого какие-то заключения о том, как относиться к различиям в учении и общественных институтах, которые, очевидно, тоже существуют" (о. Фома Хопко, Свято-Владимирский богословский ежеквартальник, № 4, 1969 г., с. 225).

Доктринальные отклонения "православных" экуменистов достаточно велики, но когда доходит до духовности, то, кажется, нет пределов тому, что можно говорить и во что веровать - показатель того, сколь далеки и смутны стали предание и опыт истинной православной духовности для сегодняшних "православных богословов". Настоящее серьезное исследование "сравнительной духовности" можно провести, но оно никогда не приведет к "заявлению о соглашении". Один лишь пример: превосходный образец "западной духовности", приводимый д-ром Арсеньевым и почти всеми другими - это Франциск Ассизский, который с точки зрения православной духовности является классическим примером духовно заблудшего монаха, впавшего в прелесть, который потому только почитается святым, что Запад уже впал в апостасию и утратил православный стандарт духовной жизни. В нашем исследовании православного духовного предания мы намерены (для контраста) показать, где именно Франциск и более поздние западные "святые" впали в заблуждение; а пока достаточно отметить, что вот это отношение, которое порождает такие "экуменические институты" и "согласованные заявления" - это именно то же отношение фривольного дилетантства, которое мы уже рассматривали на более популярном уровне.

Основная причина такого, в духовном смысле, патологического отношения, возможно, кроется не столько в ложно интеллектуальном богословском релятивизме, преобладающем в экуменических кругах, а в чем-то более глубоком, в чем-то, что пронизывает всю личность и весь образ жизни большинства современных "христиан".

Это проглядывает в замечании одного православного студента "Экуменического института" в Боссе, Швейцария, спонсируемого Всемирным Советом Церквей. Говоря о значении "личного ознакомления со столь различными подходами, чего он раньше не испытывал," он отмечает, что "лучшие дискуссии (по предмету "Евангелизма") имели место не на пленарных заседаниях, а у камина со стаканом вина" (Свято-Владимирский богословский ежеквартальник, № 3, 1969 г., с. 164). Это, сделанное почти вскользь замечание, выявляет больше, чем "небрежность" современной жизни; оно показывает все современное отношение к Церкви, ее богословию и практике. И это подводит нас ко второй главной ловушке, которой нам следует избегать при изучении святых Отцов.

Вторая ловушка: "богословие с сигаретой"

Не только "экуменические" собрания могут быть легкомысленными и фривольными; можно отметить точно такой же настрой на "православных" встречах и беседах и на собраниях "православных богословов". Не всегда на таких встречах непосредственно затрагиваются или обсуждаются святые Отцы, но если прочувствовать дух таких собраний, то это поможет нам понять то, на что опираются вроде бы серьезные православные христиане, когда начинают изучать духовность и богословие.

Одна из крупнейших "православных" организаций в Соединенных Штатах - "Объединенные русские православные клубы" - ОРПК, состоящая, главным образом, из членов бывшей русско-американской митрополии; она ежегодно проводит съезды, деятельность которых вполне типична для "православия" в Америке. Выпуск "Русского Православного Журнала" за октябрь 1973 года посвящен съезду 1973 года, на котором епископ Димитрий Хартфордский сказал делегатам: "То, что я здесь вижу, а я говорю это совершенно искренне - это что ОРПК - потенциально самая великая духовная сила во всем американском Православии" (с. 18). Действительно, на съездах присутствуют многие клирики, включая обычно и митрополита Иринея, ежедневно проводятся богослужения, и всегда бывает семинар по какой-либо религиозной теме. Знаменательно, что на семинаре в этом году (озаглавленном в духе "американского православия": "Что? Снова пост?"), "поднимались вопросы о соблюдении субботнего вечера в качестве подготовки к воскресному дню. Возникают конфликты потому, что американский стиль жизни сделал субботний вечер "вечером общения" недели. Один священник дал на этот вопрос такой православный ответ: "Субботним вечером предлагаю посетить вечерню, исповедаться, и потом в спокойной и тихой обстановке провести вечер" (с. 28). Но для тех, кто устраивал съезд, явно не существовало никакого "конфликта"; они давали (как и на каждом съезде) танцы вечером по субботам вполне в "американском стиле", и в другие вечера также - подобные же развлечения, включая "праздник тинэйджеров" "с рок оркестром", имитацию казино "в обстановке, напоминающей Лас-Вегас", а для мужчин обучение "искусству культуры танца живота" (с. 24). Иллюстрации, сопровождающие эти статьи, показывают некоторые из этих фривольностей, удостоверяя нас, что "православные" американцы никак не отстали от своих соотечественников в бесстыдно-нечестивых развлечениях; причем вперемешку идут снимки Божественной литургии. Такая смесь святого и фривольного считается сегодня "нормальной" в "американском православии"; и эта организация является (давайте повторим слова епископа) "потенциально самой великой духовной силой во всем американском Православии". Но с какой духовной подготовкой может человек прийти на Божественную литургию, если он провел вечер накануне, празднуя духу мира сего, и провел многие часы выходного дня в совершенно фривольных развлечениях? Трезвый наблюдатель может лишь ответить: "Такой человек несет с собой мирской дух, и самый воздух, которым он дышит, пропитан обмирщенностью; поэтому для него самое Православие становится частью "беззаботного" американского "стиля жизни". Если бы такой человек начал читать святых Отцов, которые говорят о

совершенно другом образе жизни, он либо нашел бы их совершенно безотносительными к его собственному образу жизни, либо попробовал бы исказить их учение, чтобы сделать его применимым к собственному жизненному укладу.

Теперь давайте посмотрим на более серьезное "православное" собрание, где даже упоминались святые Отцы: ежегодные "конференции" "Православной студенческой комиссии". В осеннем номере журнала "Забота" за 1975 год приведен ряд фотографий конференции 1975 года, цель которой была совершенно "духовная" - тот же "беззаботный" дух, молодые леди в шортах (посрамили даже съезд ОРПК!), священник произносящий "главное обращение", держа руку в кармане... и в такой атмосфере православные христиане обсуждают такие темы, как "Святой Дух в Православной Церкви". Тот же номер журнала "Заботы" дает нам возможность проникнуть в то, что происходит в умах таких внешне "непринужденных" людей. Новая колонка об "освобождении женщин" (заглавие ее настолько намеренно вульгарное, что его здесь даже неудобно привести), ведет ее остроумная молодая новообращенная: "Когда я обратилась в Православие, то думала, что знаю о большинстве проблем, с которыми встречусь в Церкви. Я знала о скандальных национальных проблемах, разделяющих Церковь, о ссорах и раздорах, заедающих приходы, и о религиозном невежестве..." Затем ведущая переходит к возражению против традиционного сорокадневного "очищения" родильницы, а также других "старомодных" устроениях, которые этой "просвещенной" современной американке представляются "несправедливыми". Вероятно, она никогда не встречала настоящего православного священника или мирянина, который объяснил бы ей значение или сообщил ей настрой подлинно православного образа жизни; возможно, если бы она встретила такового, то не пожелала бы понять его, ни уразуметь, что самая серьезная "проблема" новообращенных сегодня - вовсе не критика православного окружения, с такой легкостью могущая быть проводимой, а скорее сосредоточение новообращенных на собственных внутренних действиях. Образ жизни, отражаемый журналом "Забота", - не православный, и сам его настрой делает любое приближение к православному образу жизни невозможным. В таких периодических изданиях отражаются мнения большинства нынешних избалованных, эгоистичных, пустых молодых людей, которые, когда приходят к религии, ожидают обрести "духовность с комфортом", нечто сразу доступное их незрелым умам, оглуленным "современным образованием". Сегодняшние молодые и немного более старшие клирики, сами находясь под воздействием мирской атмосферы, в которой вырастает молодежь, иногда опускаются до того, что льстят молодым людям, попуская им легкомысленно критиковать старших и их православные "гетто", и в лучшем случае читают вялые академические лекции на темы, далеко превышающие их разумение. Что пользы говорить с такой молодежью об "обождении", или о "пути святых" ("Забота", осенний выпуск за 1974 год), - понятиях, несомненно интеллектуально постижимых для сегодняшнего студенчества, но к которым они эмоционально и духовно совершенно не готовы, не зная азов православной брани, смысла ухода от мирского окружения и воспитания? Без такой подготовки и обучения основам духовной жизни, без осознания разницы между мирским и православным образом жизни лекции не дадут достойного духовного плода.

Видя, из какой среды выходят сегодняшние молодые православные в Америке (да и по всему миру), не удивляешься, когда обнаруживаешь общее отсутствие серьезности в трудах - лекциях, статьях, книгах по православному богословию и духовности, и вклад даже лучших лекторов и писателей в "основном потоке" сегодняшних православных юрисдикций представляется до странности бессильным, не имеющим духовной силы. То же и на народном уровне: жизнь обыкновенного православного прихода производит нынче впечатление духовной инертности, совсем как у сегодняшних "православных богословов". Почему это так?

Бессилие Православия, столь обширно выражаемое и переживаемое сегодня, само по себе, несомненно, является производным духовной слабости, отсутствия

серьезности современной жизни. Православие сегодня, с его священниками, богословами и верующими, стало мирским. Молодые люди, приходящие из комфортабельных домов и принимающие или ищущие ("коренные православные" и обращенные схожи в этом отношении) религию, которая была бы недалеко от той самоугождающей жизни, к которой они привыкли; профессора и лекторы, живущие в академическом мире, где, как известно, ничто не принимается всерьез, как вопрос жизни и смерти; сама академическая атмосфера мирской самодовольности, в которой существуют почти все эти "собеседования", "конференции" и "институты" - все эти факторы, вместе взятые, производят искусственную, тепличную атмосферу, в которой, что бы ни говорилось о возвышенных истинах Православия или об опыте, в силу самого контекста, в котором оно говорится, и мирской ориентации говорящего и служащего, не может дойти до глубин души и вызвать те глубокие чувства, какие были нормальной для православных христиан. В противовес этой тепличной атмосфере настоящее православное образование, настоящая передача православного духа происходит в той среде, которая прежде воспринималась как естественная православная: в монастырях, куда не только послушники, но и благочестивые миряне прибывают научиться как от самой атмосферы святости, так и наставлениями чтимого старца; в нормальных приходах, если священники "старомодного" образа мыслей, вдохновлены Православием и так стремятся ко спасению своей паствы, что не потакает им в их грехах и мирских привычках, а всегда побуждают их к более высокой духовной жизни; даже в богословской школе, если она старого типа, а не смоделирована с мирских западных университетов, если есть там возможность живого общения с истинно православными учеными, которые действительно живут верой и мыслят в соответствии со старой школой веры и благочестия. Но все это - то, что когда-то считалось нормальным православным окружением - ныне отвергнуто православными, живущими в полной гармонии с искусственной средой современного мира, и уже не является даже частью бытия нового поколения. В русской эмиграции "богословов" новой школы, которые желают быть в ладу с интеллектуальной модой, цитировать новейшую римо-католическую или протестантскую мысль и принимать весь "непринужденный" тон современной жизни и, в особенности, академического мира, метко прозвали "богословами с сигаретой". Одинаково справедливо можно назвать их "богословами с бокалом вина" или приверженцами "богословия на полный желудок" и "духовности с комфортом". Их слово не имеет силы, потому что они сами целиком от мира сего и обращаются к мирским людям в мирской атмосфере - из всего этого являются не христианские подвиги, а лишь пустые разговоры и никчемные, напыщенные фразы.

Точное отражение этого духа на популярном уровне можно видеть в короткой статье, написанной известным мирянином Греческой архиепископии в Америке и опубликованной в официальной газете этой юрисдикции. Очевидно, под влиянием "патристического возрождения", охватившего Греческую архиепископию и ее семинарию несколько лет назад, этот мирянин пишет: "Очень необходимо сегодня "успокоиться". Это, в сущности, важная часть нашего православного предания, но стремительный мир, в котором мы живем, старается вытеснить это из нашей жизни." Для обретения этой тишины он советует "положить начало, даже в наших домах... За столом перед едой, вместо положенной молитвы, почему бы не устроить минуту молитвы молча, а затем вместе прочитать "Отче наш"? Можно было бы попрактиковать это в качестве эксперимента в наших приходах во время служб. Не нужно ничего добавлять или убавлять. Просто в конце службы оставить всякие молитвы вслух, пение, чтение и движение, и просто постоять в тишине, и пусть каждый из нас молится о присутствии Божиим в нашей жизни. Молчание и дисциплина телесная составляют значительную часть нашего православного предания. В прошлые века это называлось в Восточной Церкви "исихастским движением"... Блюсти безмолвие. Это положит начало

тому внутреннему обновлению, в котором мы так нуждаемся и к которому должны стремиться" ("Православный наблюдатель", 17 сентября 1975 г., с. 7).

Автор, очевидно, имеет благие намерения, но, как и сами сегодняшние православные церкви, он попался в ловушку мирского мышления, которое делает для него невозможным нормальное православное видение. Нужно ли говорить, что тому, кто собирается читать святых Отцов и пережить "святоотеческое возрождение" только для того, чтобы вставлять в свой режим время от времени момент чисто внешнего молчания (явно исполненного изнутри мирской настроенности всей его жизни вне этого момента!), и напыщенно называть это высоким именем исихазма, - тому лучше бы и вовсе не читать святых Отцов, ибо чтение это просто приведет нас к лицемерию и фальши и к неспособности, подобно православным молодежным организациям, отделять святое от пустого. Чтобы приблизиться к святым Отцам, нужно стремиться выйти из атмосферы мира сего, признав ее тем, что она есть. Кто хорошо чувствует себя в атмосфере современных "православных" чтений, конференций и институтов, тот чужд миру истинной православной духовности, "настрой" которой совершенно отличается от того, что существует в этих проявлениях мирской "религиозности". Мы должны честно осознать неприятную, но необходимую истину: тот, кто серьезно читает святых Отцов и стремится, в меру своих сил (даже на очень примитивном уровне) вести православную духовную жизнь, становится изгоем в наше время, чужим в атмосфере современных "религиозных" движений и дискуссий; должен сознательно стремиться вести жизнь, совершенно отличную от той, что отражена почти во всех нынешних "православных" книгах и периодических изданиях. Конечно, все это легче сказать, чем сделать; но есть некоторые указания общего порядка, которые могут помочь нам в этой брани. К ним мы вернемся после краткого исследования еще одной ловушки, которой следует избегать при изучении святых Отцов.

Третья ловушка: "ревность не по разуму" (Рим. 10, 2)

При всем бессилии и худосочии сегодняшнего мирского "православия", нет ничего удивительного в том, что, даже в среде обмирщенных "православных" организаций, находятся люди, которые загораются огнем истинного Православия, содержащегося в Богослужениях и святоотеческих писаниях, в противовес тем, кто удовлетворяется мирской религией, они становятся ревнителем истинной православной жизни и веры. Само по себе это похвально; но на практике не так то легко избежать сетей мирской религии, и слишком часто такие ревнители не только являют многие признаки обмирщения, которого они желают избежать, но даже и совсем отходят от православной традиции, становясь исступленными сектантами.

Самым разительным примером такой "ревности не по разуму" является "харизматическое" движение. Нет нужды описывать это движение (подробное описание можно прочитать в книге о Серафима "Православие и религия будущего" - прим. ред.). С каждым номером "православного харизматического" журнала "Логос" становится все яснее, что те православные, которые втянуты в это движение, не имеют твердой основы опытного святоотеческого христианства, и их апологии почти целиком протестантские по языку и тону. "Логос", конечно же, цитирует преподобного Симеона Нового Богослова и преподобного Серафима Саровского о стяжании Духа Святого, но контраст между этим истинно православным учением о Святом Духе и протестантским опытом, описываемым здесь же в журнале, столь резок, что здесь речь идет о двух совершенно разных реальностях: одна - это Дух Святой, Который приходит только к тем, кто подвизается в истинно православной жизни, но (в эти последние времена) не каким-либо сенсационным образом; другая - экуменический религиозный "дух времени", который обладает именно теми, кто оставил "исключительный" православный образ жизни (или никогда его не ведал) и "открылся" новому откровению, доступному всем, членам любой секты. Кто внимательно изучает святых

Отцов и применяет их учение к собственной жизни, сможет различить в этом движении очевидные признаки духовного обмана (прелести) и признает явную неправославность практики и духа, характеризующих его.

Есть и еще одна совсем неприметная форма "ревности не по разуму", которая может представлять больше опасности для обычного серьезного православного христианина, потому что может увести его в личной духовной жизни, не открывшись сколько-нибудь очевидными признаками духовного обмана. Эта опасность особенно касается новообращенных, послушников в монастырях - словом, всех, чье рвение незрело, не испытано опытом и не умерена рассудительностью.

Такого рода ревность - продукт смешения двух основных расположений души. Во-первых, тут высокий идеализм, вдохновленный, в особенности, повествованиями о пустынножительстве, суровых аскетических подвигах, возвышенных духовных состояниях. Сам по себе идеализм хорош, и им характеризуется всякое истинное стремление к духовной жизни, но, чтобы быть плодоносным, он должен умеряться фактическим опытом - трудной духовной брани и смирением, рождаемым в этой брани, если только оно истинное. Без такого умерения он утрачивает контакт с реальностью духовной жизни и выхолащивается увлечением - приводим слова епископа Игнатия Брянчанинова - "невозможной мечтой о совершенной жизни, представляемой живо и привлекательно в воображении". Чтобы сделать этот идеализм плодоносным, нужно последовать совету епископа Игнатия: "Не доверяйте, братия, вашим помыслам, хотя бы они казались вам самыми благими, хотя бы они представляли вам в живописной картине святейшее монашеское жительство!" ("Приношение современному монашеству", глава 10).

Во-вторых, к этому обманному идеализму, особенно в наш рациональный век, присоединяется крайнее критическое отношение, применяемое ко всему, что не соответствует невозможно высоким запросам новообращенного. В этом главная причина разочарования, которое часто постигает новообращенных и послушников после того, как первая у них вспышка энтузиазма к Православию или монашеской жизни потухла. Такое разочарование - верный признак того, что их подход к духовной жизни и к чтению святоотеческих писаний был односторонним, с излишним упором на абстрактное знание, которое надмевает, и недостаточном или полном отсутствии болезнования сердца, которым должна сопровождаться духовная брань. Так бывает, когда послушник обнаруживает, что правила поста в монастыре несоизмеримы с тем, что он читал о пустынных Отцах, или что в Богослужениях не следуют буквально типикону, либо что его духовный отец имеет человеческие недостатки, как все люди, и в действительности не является "духоносным старцем"; но тот же послушник первым изнемог бы, окажись он под правилом поста или службы по типикону, неприспособленных к нашим духовно слабым дням, а без духовного отца, которому он считает невозможным довериться, он вообще не сможет духовно окормляться. Нынешние люди, живущие в миру, смогут найти точные соответствия этой монашеской ситуации у новообращенных на православных приходах.

Святоотеческое учение о болезновании сердца есть одно из важнейших учений для наших дней, когда столько предается значения "умственному знанию" в ущерб должного развития эмоциональной и духовной жизни. Отсутствием этого существенного опыта прежде всего и обуславливается дилетантство, тривиальность, недостаток серьезности в сегодняшнем всеупотребительном изучении святых Отцов; без этого нельзя соотносить святоотеческое учение с собственной жизнью. Можно достичь высочайшего уровня понимания умом учения святых Отцов, можно иметь "наготове" цитаты из писаний святых Отцов на любую мыслимую тему, можно иметь "духовный опыт", который кажется таким, как его описывают в отеческих книгах, можно даже в совершенстве знать все ловушки, в которые можно впасть в духовной жизни - и все же, без болезнования сердца, можно остаться бесплодной смоковницей, скучным "всезнайкой", который всегда "прав", или стать адептом нынешнего

"харизматического" опыта, который не знает и не может передать истинного духа святых Отцов.

Все сказанное ни в коей мере не является полным каталогом неверных способов чтения или подхода к святым Отцам. Это всего лишь ряд указаний на то, сколько многими путями можно подходить к святым Отцам ошибочно, и, следовательно, не получая от чтения их пользы, а может и во вред. Это есть попытка предупредить православных, что изучение святых Отцов - дело серьезное, к которому нельзя подходить легкомысленно, следуя интеллектуальной моде нашего времени. Но это предупреждение не должно отпугнуть серьезных православных. Чтение святых Отцов действительно необходимое дело для того, кто дорожит своим спасением и желает содевать его в страхе и смирении; но следует подходить к этому чтению практично, чтобы получить максимальную пользу.